

ТАМ, В НАРОДНОЙ ГЛУШИ...

Подпоясаны дни то вожжой, то тесьмой.
Живы хлебом и небом разлук.
Деревянными буквами пишут письмо
В министерство почётных наук:
Как построить за баней Егора сельмаг,
Институт благородных колёс,
Чтоб прислали на почту казённых бумаг,
Чтоб земную помазали ось.
Дескать, время скрипит будто ржавый засов,
Отстаёт от метро и ракет.
Длится день двадцать семь с половиной часов,
Ночь? – единого мнения нет.

Непонятого свойства часы и труды.
То ль ночуют кудесники тут? –
На неделе семь пятниц, четыре среды,
Дни другие – в сарае живут.
Из дремучих подворий, бурьянов глухих
Беспольный айфон голосит.
И колхозное знамя побед трудовых
Над избой комбайнёра висит...

Там за Лысой горой – царство вечных болот,
Где по воле небесных огней
Истребительских войск утонул самолёт
И поэт евразийских кровей.

А за взгорком – простор! Свет как счастье высок,
В синеве соловейки полёт.
Берендеевым солнцем пронизан лесок,
И душа пасторали поёт!
Выйдет в поле старик, ветхой жизни жилец
И взглянется в сияющий зной.
Так глядит далеко, словно видит дворец,
Где Господь проживает с семьёй.

В остальном, как и всюду: изба, огород
И следы заплутавших колёс.
На кривое крыльцо выйдет в валенках кот,
Спросит вежливо: – Рыбу принёс?
Голосистый петух известит в лопухах
Об итогах хозяйских забот.
Электронное время придёт в сапогах,
Постоит... И обратно уйдёт.

Там, в народной глуши бродит хмелем трава,
Облака серебрятся вдали.
Там для песни полезной сыскали слова,
только музыку к ним не нашли.
Там закатных коней стерегут до сих пор
На зелёном в ромашках лугу...
Я б срубил там избу или даже собор,
Да топор подобрать не могу...

* * *

Сижу за решёткой в квартире своей
в угоду властям, карантину.
(Решётки на окнах, железо дверей,
чтоб воры не лезли в квартиру).
Смотрю телевизор, гоняю чай,
пишу чепуху, а снаружи –
чирикают птахи, грохочут ручьи
и солнце валяется в лужах.
Такая сочится с небес благодать!
Так радостно, звонко искрится!
Как будто безногие стали плясать
и в рифму писать верлибристы.

* * *

Всё было на моём веку:
потери, встречи и пирушки,
кричали петухи «Ку-Ку»

и кукарекали кукушки.
Таким был сотни лет назад
под этим самым небосклоном

ходил с графиней в Летний сад и воевал с Наполеоном.
И даже помню смутный страх
в годах глубинной странной речи:
костёр, людей, пещерный мрак
и лодки чёрные у речки...
Сейчас – весна и карантин.
И я меняюсь кардинально:
И привыкаю жить один,
жить человеком виртуальным.

ВЫШИВАНКИ

Для последнего часа свиданья,
упиваясь небесным огнём,
вышиваешь иглою Майдана
вышиванки на теле своём.

Лягут крестик с веночком и строчки,
алой кровью наполнятся швы.
Обернутся воронки в цветочки,
а траншеи в ажурные листы.

Чудный месяц на теле и звёзды.
В честь высоких заморских гостей
вспыхнут росы, как чистые слёзы
в небеса унесённых детей.

Дым и горечь полынного хлеба,
гарный хлопёк над полем ржаным.
Блещет жовто-блакитное небо
над коханым простором твоим.

Ради воли высокой и цели
гайдамаки от мира сего
для любимой тебя не жалели

ни себя, ни родных – никого.

Захлебнувшись сыновней любовью,
по следам самостийных годов
напитают москальской кровью
вышиванки вишнёвых садов.

Возойдут из поганого склепа
в золочёный державный жупан:
посполитовый гетман Мазепа,
незалэжный Бандера Степан...

Вышиваешь, себя обряжаешь,
как в последний готовишься путь.
Ждёт жених из предтечных пожарищ,
звонкой песней прострелена грудь.

С рушниками придут за тобою,
вознесут на престол к образам.
И в церквах твоих ветер завоет,
и откроет всем виям глаза.

Протокольные речи назначат,
рухнет птах на средину Днепра!..
Только русское сердце заплачет
по тебе, дорогая сестра...